

Он ныряет головой вперед через залитую кровью поверхность, столкновение настолько сильное, что он на секунду теряет сознание. Спуск холодный и безразличный, тело Ноя безвольно приглушено крутыми приливами. Его носят, как пресноводную рыбу, за исключением того, что он почти не умеет кататься по волнам.

Первое, что он замечает, это то, насколько это ошеломляюще холодно - он опустился до минусовой температуры, его тело содрогается от невидимой дрожи. Но у него всегда была склонность к холоду, поэтому он остается бесстрастным, просто глядя в бескрайнее море. Оно абсолютно черное, совершенно пустое - ни единого следа света, ни одной из тех уродливых флуоресцентных ламп, которые украшали сосуд.

Кажется, его забросили так далеко, что он не вернется. Весьма характерно для него, на самом деле, потому что Ной является склонным к отдалению. Десять метров, сто метров, может быть, еще тысяча, прежде чем вода унесет его в циклон. Его тело содрогается от потока, но выражение его лица совершенно, непостижимо спокойно.

Его серебряные волосы движутся вверх, изящные и элегантные, совершенно не отражающие то, как он падает слишком мрачно, слишком быстро. Струйка крови идет из открытого пореза на его предплечье, воротнике, щеке - так много неглубоких порезов, которые, кажется, сочатся более красным, чем больше он думает о них.

Красные завитки плывут вместе с его телом. Ной объят ледяными жилами, которые больше напоминают оковы. Далекое прошлое захватывает его удушающей хваткой и в бреду он видит знакомую женщину.

В глубине моря светящаяся фигура. Красивые светлые волосы, сверкающие голубые глаза - его собственный цвет, кроме ее, украшены пеленой мании.

«Давай», - говорит она ему мягким, словно соблазняющим, голосом. «Пойдем со мной, Ной».

Она призрачно-белая, даже бледнее, чем он, и когда она приоткрывает рот, чтобы поманить его еще раз, ее черты искажаются, превращаясь в жуткую смесь человека и животного. Она вырастила пару острых угловатых ушей, которые неловко сидят у основания головы. Смещение странное, но в мертвой зоне она выглядит еще более дикой.

Ее голова вращается, и она превращается в монстра с торчащими клыками и светящимися вертикальными зрачками.

"Ну давай же!" Теперь она начинает кричать. «Я убью тебя, Ной! Я собираюсь убить тебя! Я убью тебя, я... »

«Я здесь», - пытается сказать он, хотя все, что вырывается из его рта, - это пузырьки воды.

«... Собираюсь убить тебя... убить... тебя...» - ее голос смягчается, и затем на ее великолепном лице появляется печаль - почему-то она все еще радуется глазам Ноя. «Ты не должен был родиться».

Губы Ноя кривые. Смирение и боль одновременно. Если бы он мог, он бы усмехнулся.

'Я знаю.'

Он больше не видит призрака в ее форме, но это может быть потому, что он в секунду от смерти, тонет в месте, до которого никто не может добраться. Он предполагает, что вот как он умрет - один в глуши. Координаты потеряны.

Тусклый белый свет освещает его тело. Затем твердая грубая рука хватается за руку. Ной не совсем улавливает это ощущение, но то, как с ним обращаются, совсем не нежно - его тянут в объятия человека, его тело заставляют двигаться. Ной бесстрастно смотрит перед собой, слишком ослабленный, чтобы заботиться о нем.

Он почти не в сознании, но может отличить Ян Жуна от десятков тысяч людей. Черные как смоль волосы, пара пугающих зеленых глаз. Легко узнаваемый.

Еще больше багровой крови течет оттуда, где они собираются. Ян Жун тоже ранен, но какие бы раны он ни носил, они не удерживают его от плавания по волнам без особых усилий, но это максимум, что он может сделать, когда Ной тянет его вниз.

Ной проигрывает негодяйской волне, которая закрывает ему зрение, и, с затрудненным дыханием, он уступает милости человека, который обратился к нему. По иронии судьбы, единственное чувство безопасности, которое он испытывает, исходит от того же человека, которого он боится.

-

Он влетает в сознание и выходит из него. Отсроченное осознание того, что вас бросили на твердую поверхность. Кусочки его рюкзака отброшены в сторону, с него снято пальто, ладонь на груди, грубые нажатия на его тело.

Его легкие конвульсируют от боли, он настолько слаб, что не может дышать, и каким неприглядным он, должно быть, был - жалко лежащий на спине, без ответа, его губы бледно-синие. Серебристые волосы приклеены к его лбу, и он полностью залит льдом. Его рот насильно приоткрыт, и затем он чувствует теплое дыхание губами.

Реанимация проводится чисто и эффективно, хотя это вопрос часов - по крайней мере, он так чувствует - прежде чем он снова вернется к активности. Ной задыхается и задыхается так неудержимо, что падает набок, его удерживает только Ян Жун... который извергает ряд

исключительно ярких ругательств.

«... Гребаный идиот!» Голос мужчины звучит на заднем плане, как запись, поставленная на повтор. «Если ты не умеешь плавать, то оставайся со мной! Держись за бедро, рука об руку, задница к заднице, хорошо?! Не надо мне больше дерьма держаться от тебя подальше, потому что ты, по общему признанию, не заботишься о своей жизни! Сколько еще раз я должен тебя спасать, а?! И что, черт возьми, ты делал в зоне? Ради бога, ты даже не собирался попробовать - твои тощие руки для украшения что ли?!»

Брань не заканчивается. Ной слышит приглушенно. Его веки все еще плотно закрыты, тело бесконтрольно дрожит. С каждым кашлем из его горла выделяется все больше соленой воды, хотя он с таким же успехом может кашлять кровью из-за того, насколько это болезненно.

«Может быть, ты расскажешь мне, о чем думал». Полковник продолжает говорить. «Для человека, который обычно столь дерзок, ты определенно был готов утонуть».

Ной трясет рукой, чтобы подавить кашель - он звучит некрасиво даже для его собственных ушей. Ян Жун, смирившийся и все еще разъяренный, помогает ему сесть. Ной с опозданием понимает, что они плывут на лодке в неизвестном направлении. Приливы стабилизировались, но дождь не прекратился. Полосы молний воспламенили небо. Бушует ненастная погода.

«А если я приплыл бы позже, ты бы умер, Ной». Полковник выглядит более разгневанным, чем когда-либо. Под надвигающимися серыми облаками в его лице есть некоторая необузданность. Его волосы в беспорядке, половина его челки зачесана, а другая половина свисает от влаги. В его сжатой челюсти, поджатых губах и закаленных глазах стало больше грубости. Он наклоняется вперед и тихо, опасно спрашивает: «Ты этого хотел?»

Приступ кашля у Ноя проходит через изнурительную минуту. Он падает набок, совершенно измученный, падая на тело полковника. Его речь выходит хриплой и булькающей. «... Н-н, я...»

«Не смей говорить». Взгляд Ян Жуна пугает. «Это был риторический вопрос. Держи свой красивый рот на замке, Ной. На следующее утро ты можешь извиниться передо мной, и тогда я решу, принимать прощение или нет».

После этого они успокаиваются. Ян Жун, все еще злой, управляет лодкой в одиночку, в то время как Ной изо всех сил пытается контролировать собственное дыхание. В другом сценарии их позиции были бы совершенно беспорядочными - тело Ноя наклонилось вбок, его голова сильно опустилась на плечо полковника, прилипая к мокрой тонкой ткани его рубашки. Ян Жун гребет одной рукой, что позволяет ему скомпрометировать левый бок.

Пока они гребут, вода неравномерно колеблется. Зимние порывы приносят более сильные капли дождя, которые больше похожи на град. Дыхание Ноя необычно горячее, но его тело холодное как лед. Морская болезнь поражает его сильнее, когда ему не хватает кислорода.

«... Ян Жун», - слабо шепчет он, зарывшись еще глубже. «Здесь холодно».

Ян Жуну тоже не теплее. Тем не менее, мужчина держит его за затылок, притягивая его ближе, чтобы разделить то небольшое тепло их тела, которое у них есть. Если бы состояние Ной не было таким плачевным, он бы отказался от запаха ветивера и этой сладкой медной крови, смешанной с соленой водой. Ян Жун испускает тяжелый альфа-мускус.

«... Я знаю», - вздыхает мужчина. «Будь добр и потерпи пока».

Ян Жун надевает на себя куртку. Черная форма тоже промокла полностью.

Наряду с шумом дождя и сильными брызгами дыхание становится более мягким, а сердцебиение становится более спокойным. Странно гармонично, хотя, может быть, в оцепенении Ной находит сегодня вечером все приглушенным. Ян Жун, напротив, раздражен больше, чем обычно. Его поза, как всегда, твердая и прямая, но его мышцы напрягаются при каждом повороте весла.

На нем такая же черная военная рубашка, с длинными рукавами, тонкая, разрезанная в странных местах. Подол его выступает из его брюк - редкое зрелище, потому что мужчина всегда выглядит таким сдержанным. Длинные разрывы на груди выявляют некоего мошенника. Его форма, закаленная и мускулистая, показана Нюю.

Именно тогда Ной ловит шрамы на его подтянутом теле. Бледные диагональные линии, идущие в случайном направлении, одни краснее других, но все разных размеров. Глубокому рубцу много лет, и он, вероятно, останется навсегда.

Один из них все еще свежий и кровоточит - недавний порез. Неудивительно, что в воздухе присутствует легкий запах меди. Ной мягко проводит пальцами по левой грудной клетке полковника, размазывая унцию светло-малинового цвета. Если будет больно, Ян Жун не скажет ни слова.

Ной шепчет: «У тебя действительно сильный запах».

«Ной, если ты посмеешь сказать мне, что я снова воняю, я сброшу тебя с лодки». Ян Жун в волнении гребет на лодке еще быстрее, преодолевая волны в экспертном режиме. Похоже, ему нужно было лишь немного подсказать, прежде чем он перейдет к очередной многословной болтовне. «Как ты думаешь, все пахнут цветами? В какой среде ты вырос, чтобы быть таким испорченным? Твой Жун- ге сражался через морские чудовища и взял погружение для тебя, только чтобы быть зарезан твоим острым языком. Так пахнуть - это нормально, понятно?!»

Звук его голоса распространяется далеко даже сквозь потоп. Ян Жун умеет проецировать свой голос так, чтобы он кристально отчетливо отражался в его ушах. Мужчина берет его за руку, не давая ему бродить. «Черт возьми, Ной, твои руки... блять, ты не можешь быть таким? С тобой особенно тяжело иметь дело, когда ты становишься таким - ты принимаешь меня за

переносной обогреватель или что? Ты собираешься воспользоваться мной без...»

Ной снова закрывает глаза и прижимается щекой к изгибу шеи полковника, отчаянно желая согреться. Одеколон Ян Жун - это карамельная древесная нота - или, возможно, это его естественный запах, Ной не может сказать сейчас. Однако это успокаивает больше, чем он ожидал.

«Мн... я понял», - бормочет он. «Я понимаю, так что... шшш...»

«...» После минуты молчания Ян Жун медленно вздохнул. Он обнял Ноя за талию и приблизил их тела. Когда полковник снова заговорил, его голос понизился до более спокойного тембра, нежного для ушей. «Как это возможно, что тебе становится холодно? Может быть, ты не можешь удерживать тепло?»

Ной не отвечает.

«Такой непостоянный», - бормочет Ян Жун, слегка подталкивая его к себе, чтобы привлечь внимание. «Разве ты раньше не убегал от меня? Хм?»

Он все еще не отвечает. Ной просто мягко качает головой - невысказанная просьба прекратить эту тему - и Ян Жун успокаивается. Ной слишком взволнован, чтобы заниматься такими темами. Он нехарактерно мягкий, опирается на плечо мужчины и дремлет. Он также спокоен, несмотря на бушующие приливы и ревущие громы. Серебряные пряди его волос блестят в лунном свете.

В лихорадочном тумане Ной цепляется и не отпускает.

«Извини», - шепчет он. "Оставайся таким же."

Вскоре после этого он даже выдохнул, головокружение погрузило его в глубокий сон. От его ран, маленьких порезов на руках и пятнышка на затылке исходит характерный ванильный аромат. Мятный и разбавленный запахом спирта. Что-то еще горькое. Ян Жун провел пальцем по щеке - никакого ответа, но ресницы Ноя слегка задрожали.

Брови нахмурились во сне. Маленькие морщинки у его надбровных дуг, которые не соответствуют тонким чертам его лица. Небольшая капля дождя, которая улавливает его веко и катится вниз, как слезы.

«Ной...» Ян Жун тихо скатывает имя с языка. «Ной, что с тобой случилось?»

<http://bllate.org/book/14985/1325855>